

DOI: 10.31857/S241377150007302-5

О парных речевых актах русского языка

© 2019 г. В. З. Санников

Доктор филологических наук
Россия, 119421, г. Москва, ул. Новаторов, д. 36-1-397
san@ruslang.ru

*Дата поступления материала в редакцию: 7 сентября 2019 г.
Дата публикации: 31 октября 2019 г.*

Резюме. На материале русского литературного языка и разговорной речи рассматривается малоисследованный вопрос о вторых репликах — ответах в диалогах типа: — *Куда едешь?* — *В Крым*. Ответ настолько связан с вопросом по смыслу и по форме, что его нельзя считать особым речевым актом: это часть одного сложного речевого акта. Отсюда следует, что кроме простых речевых актов (“сообщение”, “обещание”, “угроза” и т.д.) есть сложные речевые акты. Этот класс речевых актов предлагается именовать термином “**парные речевые акты**”, близким к термину представителей дискурсного анализа — “смежная пара” (adjacency pairs). Основное внимание обращено на анализ двух классов парных речевых актов — “вопросо-ответный” и “побудительно-ответный”. Описываются их синтаксические, семантические и прагматические особенности, их место в системе речевых актов, их отношение к системе речевых и литературных жанров русского языка. Кроме исследования текстового материала широко применяется метод лингвистического эксперимента и его разновидности — языковой игры. В особом разделе рассматриваются нестандартные, неканонические парные речевые акты: 1) с экзаменационными (проверочными) вопросами, 2) с “ответами не по существу”, 3) с непрямыми (косвенными) ответами. В заключительном разделе работы даётся краткое описание случаев, когда парный РА сопровождается другими репликами, тесно связанными с ним по смыслу (— *Куда едешь?* — *В Крым*. — *Напрасно!*).

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, семантика, прагматика, диалог, парные речевые акты, вопрос, побуждение, ответ.

Для цитирования: Санников В. З. О парных речевых актах русского языка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 5. С. 17–36. DOI: 10.31857/S241377150007302-5

On Pairs of Speech Acts of the Russian Language

© 2019 Vladimir Z. Sannikov

Doct. Sci. (Philol.)
36-1-397, Novatorov str., Moscow, 119421, Russia
san@ruslang.ru

*Received: September 7, 2019
Date of publication: October 31, 2019*

Abstract. The paper deals with insufficiently known issues concerning pairs of speech acts in dialogue structure. The analysis is based on both Russian literary language and Russian colloquial speech. The question (both its meaning and form) in the question-and-answer pair is so much linked with the answer, that it can't be treated as a separate speech act, but as a part of a complex speech act. This implies that besides the simple speech acts (such as statement, promise, threat) complex speech acts may be identified. We suggest using the term *duplex speech* acts for the case. This term is close to the discourse term *adjacency pair*. The paper focuses mainly on the two types of duplex speech acts: question-and-answer and incentive-and-answer. Their syntactic, semantic and pragmatic features are described, as well as their place in speech act system and their connection to the system

of speech and literary genres of the Russian language. The method of the study is not only plain text analysis but also linguistic experiment and language game study. One of the sections of the paper deals with following irregular duplex speech acts: (1) speech acts with examining questions; (2) non-substantive answers; (3) speech acts with oblique answers. Final section of the paper contains short description of situations with a duplex speech act followed by other utterances, that are semantically attached.

Key words: Russian language, syntax, semantics, pragmatics, dialogue, pairs of speech acts, question, motive, answer.

For citation: Sannikov, V.Z. *Oparykh rechevykh aktakh russkogo yazyka* [On Pairs of Speech Acts of the Russian Language]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No 5, pp. 17–36 (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150007302-5

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине XX века внимание лингвистов всё больше переключалось от грамматики, языка как системы, его норм на реальное употребление языка, колебания нормы, процесс языковой деятельности. (Отсюда естественный переход внимания от письменной речи к разговорной, который в России особенно ярко проявился в исследованиях Е.А. Земской и ее сотрудников, описавших многие особенности разговорной речи [1]).

Одно из направлений исследования в рамках этого подхода к описанию языка получило наименование **дискурсного анализа**. Задачи, методы и некоторые результаты дискурсной лингвистики подробно описываются в докторской диссертации А.А. Кибрика [2].

А.А. Кибрик выделяет следующие типы дискурсных явлений: **глобальная структура** — совокупность крупных блоков, например, абзацы в газетной статье; **локальная структура** — совокупность минимальных единиц — предикации, или клаузы; **единицы, меньшие, чем предикация** (см.: [2, с. 4]).

“Частные различия между разновидностями дискурса описываются с помощью понятия **жанр**. <...> В качестве примеров можно назвать бытовой диалог (беседу), рассказ, инструкцию по использованию прибора, интервью, репортаж, доклад, политическое выступление, рекламное выступление, проповедь и т.д.” [2, с. 21].

В России понятие речевого жанра получило широкое распространение во второй половине XX в. (Сам термин “жанр” был заимствован М.М. Бахтиным (см. [3]) из литературоведения и распространен на речь). Многие годы в Саратове над изучением речевых жанров русского языка работает группа исследователей под руководством В.В. Деметьева. Там с 1997 года издаётся журнал “Жанры речи”, где рассматриваются некоторые общие вопросы и дается описание отдельных речевых жанров — от рассказа, очерка, научного отзыва до анекдота.

Речевой акт (РА) — это “строительный материал” для речевого жанра. Поэтому для нас при исследовании парных (вопросо-ответных и побудительно-ответных) РА первостепенный интерес представляет их связь с речевыми жанрами. Особенно интересны **пьесы** — речевой жанр, сотканный сплошь из монологов и диалогов, а также случаи **совпадения** речевого акта с речевым (и с литературным, фольклорным) жанром в одном тексте — шутка, анекдот, загадка.

* * *

Бесконечно признателен Л.П. Крысину, Ольге, Андрею, Ирине Санниковым за помощь на всех стадиях работы и за ценные критические замечания.

1. ПРОСТЫЕ VS. ПАРНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

1. Интерес к речевым актам (РА) с давних пор проявляли логики, а затем и лингвисты. Однако многие вопросы, в том числе вопрос о классификации РА, нуждаются в дальнейшей разработке.

М.Я. Гловинская на основе анализа русских глаголов речи выделяет около 30 групп РА и предупреждает, что не все РА включены в ее классификацию и что, в сущности, каждый глагол в группе обозначает особый РА (см. [4, с. 160–161; 220]).

В работе Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелёва [5] предлагается четкое и вполне убедительное разделение РА на три класса — **вопросы, побуждения и сообщения**. «Если высказывание направлено на то, чтобы получить от адресата речи ответ (вербальную реакцию), оно относится к классу вопросов. Если ожидаемой реакцией является какое-то действие вне рамок диалога, мы имеем дело с побуждением. Наконец, если со стороны адресата речи не предполагается никакой иной реакции, кроме “принятия к сведению” сообщаемой информации, высказывание принадлежит к классу сообщений» [5, с. 257].

В этом подразделении, которое авторы считают “первичным и основным”, не нашел места сам **ответ** — словесная реакция на предшествующее высказывание. М.Я. Гловинская отмечает: “Имеются иллокутивные акты, которые нуждаются в ответе по существу (вопросы, предложения) или в силу конвенции (извинения, благодарности, поздравления)” [4, с. 203].

2. Не раз отмечалось, что внимание исследователей речевых актов было направлено преимущественно на реплики-стимулы. “Зависимое положение и предсказуемость вторых реплик всегда оттесняли их на периферию” [6, с. 661]. Ответы оставались в тени.

Специально анализу ответа посвящена статья Е.Э. Разлоговой [7]. Автор анализирует логические аспекты вопросо-ответных отношений.

Наблюдения Разлоговой над логической структурой ответов представляют несомненный интерес для лингвистов, но не следует забывать и о нередких предостережениях против слепого следования рецептам логиков. “Наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира” [8, с. 57].

Даже логические связки “конъюнкция” и “дизъюнкция” отличаются по значению от соответствующих союзов — соединительных и разделительных — в естественном (русском) языке (см. [9, с. 43–48]).

3. Ответ, как правило, рассматривали в связи с вопросом. Между тем М.Я. Гловинская и другие исследователи справедливо отмечают, что ответ индуцируется не только вопросом, но и речевыми актами других типов, например, побуждениями. Правда, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв определяют побуждение как класс речевых актов, где “ожидаемой реакцией является какое-то действие вне рамок диалога” [5, с. 257]. Однако даже на побуждения к **немедленному ответному действию**: — *Быстро дай кружку!* возможна словесная реакция: — *Возьми; Сию минуту!* В случае несогласия адресата она даже обязательна: — *Не могу, не достану.* Обязателен также ответ на некоторые типы РА (приветствия, поздравления, приглашения): — *Приходите завтра на мой день рождения!* — *Спасибо, с удовольствием* (— *К сожалению, не смогу*). В случае молчания — недоуменные реплики: — *Что же ты молчишь?*; — *Почему не отвечаешь?* и т.п.

4. К какому из трёх основных классов высказываний (вопрос, побуждение, сообщение), выделяемых Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелёвым, относится ответ? Или это особый класс речевых актов?

Ответ близок к сообщению. Услышав ответы на свой вопрос — *Куда Коля поедет летом? — В Крым* (— *В Москве остаётся*) спрашивающий “принимает это к сведению”.

Речевые акты соотносятся с грамматическими категориями: для сообщения основной способ выражения — утвердительное предложение, для вопроса — вопросительное, для побуждения — предложение с глаголом в повелительном или сослагательном наклонении. В этом отношении ответы также сходны с сообщениями: для них основной способ выражения — утвердительное предложение.

Однако ответы во многом существенно отличаются от сообщений. М.Я. Гловинская отмечает: “Ответы по форме отличаются от первичных высказываний: возможны неполнота высказывания, особый порядок слов, особая интонация. Например, высказывания *Никуда я не пойду; Он; Да; Нет* могут быть только ответами” [4, с. 204].

Это склоняет к признанию ответа особым речевым актом. Но если это речевой акт, то у него должно быть свое толкование. А какое толкование можно дать “речевому акту” *В Крым* и многим другим ответам? В диалогах типа: — *Куда Коля поедет летом? — В Крым;*

— *Поезжай летом в Крым. — Согласен* (— *На будущей неделе; — Ни за что!*) ответы неотделимы от инициальной реплики, без которой они бессмысленны. Значение и структура ответа предопределены значением и структурой предшествующей реплики, и его вряд ли можно считать речевым актом. Это **часть одной единицы**. Это давно замечено исследователями. Вслед за другими я по отношению к вопросу обозначал эту единицу термином “вопросо-ответное соответствие” [10]. Говорят также о “вопросо-ответных отношениях”, “вопросо-ответном единстве”, “вопросо-ответной структуре”. Но каков статус этих единиц? Есть **речевые акты**. А что такое **речевые соответствия, отношения, единства, структуры**? Это уже не речевой акт? Правильнее, видимо, отказаться от этих достаточно неопределённых терминов, признать, что кроме простых речевых актов (“сообщение”, “обещание”, “угроза” и т.д.) есть двухчастные речевые акты — “вопросо-ответный”, “побудительно-ответный”. Важно при этом, что как мы увидим, эти двухчастные высказывания имеют много общих смысловых и формальных черт, то есть являются подклассами одного класса. Этот класс, или тип, речевых актов мы первоначально именовали **сложными речевыми актами** (в противоположность простым), однако более удачным представляется термин “**парные речевые акты**”, близкий к термину представителей дискурсного анализа — “смежная

пара” (adjacency pairs) (см. [2]). (Впрочем, прилагательное представляется здесь излишним: ведь любящая пара — смежная).

Но как бы мы не назвали эту единицу, она требует своего толкования, общего для обеих частей. Ниже, в разделах II и III даются предварительные толкования некоторых парных речевых актов.

Возникает вопрос: речевой акт один, а говорящих двое: инициатор и адресат? Не снимается ли при этом противопоставление монологической и диалогической речи?. Вряд ли, однако, следует резко противопоставлять монолог и диалог. М. Бахтин сказал: “Всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим” [3, с. 107]; Представители дискурсного анализа тоже считают, что любой коммуникативный акт предполагает наличие двух фундаментальных ролей — говорящего (автора) и адресата. “Адресат при монологе также необходим. В сущности, монолог — это просто частный случай диалога” [2, с. 10]. Естественно, в толковании как первой части парного РА (вопроса или побуждения), так и в толковании второй (ответа) представлены, как мы увидим, оба участника диалога — и говорящий, и адресат, только они меняются местами.

Показательно, что есть вопросо-ответные высказывания **с одним участником** — мысли вслух, разговор с самим собой:

— *Куда бы мне пойти вечером? Пойду-ка в кино.*

Это также “интригующие” вопросы:

— *Ты знаешь, кого я сейчас встретил? Колю Перцова!*

Это, наконец, загадка, где спрашивающий и отвечающий — одно лицо:

— *Что такое: Белая кошка лезет в окошко? Рассвет* (Подробнее см. ниже).

5. Основной общий признак парных речевых актов — это, как уже было сказано, тесная смысловая связь инициальных реплик с ответами. Они представляют собой некое смысловое единство. Ср.:

— *Поедешь летом в Крым? — Да; — Нет; — Поеду.*

— *Кого ты встречаешь? — Машу.*

— *Поезжай летом в Крым. — Поеду (— Ни за что!).*

Иногда это — скрытая связь: — *Поедешь летом в Крым? (— Поезжай летом в Крым) — С работы не отпускают* (см. об этом разд. Vв).

Возможны, однако, исключения. Ю.Д. Апресян отмечает, что в работах Кембриджской школы было принято очень либеральное понимание

“семантической связности”, допускавшее в качестве правильно связанных пар такие вопросы и ответы, как *Когда вы отправляетесь? — В соседнюю деревню* или *Вниз по этой улице* [11, т. I, с. 17]. Следует сказать, что нарушение смысловой связности частей парного РА — явление нередкое и в русском языке и объясняется не только непониманием или ослышкой — пример (1), но иногда употребляется говорящим вполне сознательно, например, при желании уйти от ответа — (2):

(1) — *Здорово, кума!*

— *На рынке была.*

— *Разве ты глуха?*

— *Купила петуха.*

(2) Известная артистка на вопрос: “Сколько вам лет?” — ответила, “наивно и стыдливо, опустив глаза”: “*В Брюнне*” (З. Фрейд).

(Подобные случаи рассматриваются ниже, в разделе Vб).

6. Кроме смысловой связи между двумя частями парного РА существует формальная связь: структура ответа существенным образом зависит от структуры инициальных реплик. Самое яркое и распространённое проявление этой зависимости — сокращения: предикат теряет зависимые элементы или даже вообще опускается:

— *Пойдёшь завтра в школу? — Пойду (— Да).*

— *Передай завтра Пете эту книгу. — Хорошо (— Передам).*

— *В какой город он поехал? — В Звенигород.*

Лексический и грамматический состав ответного предложения зависит от инициального предложения:

— *Маша приехала в пятницу || или в субботу?*

— *В субботу.*

Впрочем, слепое следование в ответе лексическому составу и грамматической форме исходной фразы может вызвать смех или поставить в неловкое положение:

— *Обо что ты оцарапался?*

— *Об кошку.* (К. Чуковский. От двух до пяти).

Девочка — Арсению Л. (5 л.):

— *Дура, не лезь! Ты же упадёшь!*

— *Во-первых, я не дура, а дурак!*

Затруднителен ответ на вопросы и побуждения, содержащие фраземы, цитаты, или оформленные как пословицы и поговорки, — поскольку здесь использование в ответе элементов исходной фразы вряд ли возможно:

Раз как-то ухватил меня за икры и спрашивает: *“Мой чудный взгляд тебя томил?”* Я говорю: *“Ну, допустим, томил...”* А он опять за икры: *“В душе мой голос раздавался?”* (Вен. Ерофеев. Москва—Петушки).

На побуждения-советы: *Не плюй в колодец — пригодится воды напиться; По одежке протягивай ножки; Не мечи бисер перед свиньями* ответы: *Нет, буду плевать!; Протяну!; Ладно, не буду метать!* вряд ли возможны, даже в шутку. Разве что в состоянии крайней запальчивости.

7. Естественно, каждый парный РА должен иметь одно двухчастное толкование. М.Я. Гловинская отмечает: “... ответы являются частью более общего целого, включающего в себя предшествующий ответу иллокутивный акт (...) Однако общее толкование должно учитывать все возможные случаи употребления ответов” [4, с. 203].

Гловинская предлагает следующее толкование глагола *отвечать*: *На мое предложение от отвечал мне, что необходимо подумать.* X отвечает Y-у на Z, что P ≈ ‘(1) Y сказал X-у Z; (2) X считает, что Y хочет, чтобы X сказал что-то в связи с Z; (3) X говорит Y-у в связи с Z, что P; (4) X считает, что Y-у понятно, почему он сказал P; (5) X считает, что Y должен быть удовлетворён тем, что сказал X’.

Однако, это — **толкование глагола**. В случае последовательности двух речевых актов, Z — это не член высказывания (типа: *моё предложение* в приведённом выше примере), а **высказывание**, которое, естественно, имеет особое толкование. А это, в свою очередь, существенно сказывается на толковании ответа. В связи с этим сформулировать **единое общее** толкование ответа вряд ли возможно. Для каждого типа парных речевых актов (вопросо-ответного, побудительно-ответного) должно даваться своё двухчастное толкование. Ниже, в разделах II и III рассматриваются некоторые из этих толкований.

8. Означает ли выделение парных РА (“вопросо-ответного” и “побудительно-ответного”) отказ от выделения простых РА — “вопрос”, “побуждение”, “ответ”, признание каждого из них — лишь частью парного РА? Это справедливо по отношению к ответу: ответа без инициальной реплики не бывает. Другое дело вопрос и побуждение. Они в ряде случаев не предполагают, а то и запрещают словесную реакцию. Несколько примеров.

Риторические вопросы:

— *Ребята! Не Москва ль за нами?*

(М. Лермонтов. Бородино).

Лозунги-призывы: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

Эмоциональные вопросы:

— *Знаешь, какой я сильный?*

— *Думал ли я, что так случится?*

Брань: *Будь ты проклят!; Пропади ты пропадом!*

Угрозы: *Попадись мне только!*

Презренный, дай тебя догнать,

Дай голову с тебя сорвать!

(А.С. Пушкин. Руслан и Людмила).

Приказ: *Выходить по одному!; Молчать!; Руки вверх!; Строиться!*

Возможны, кажется, лишь два ответа на приказ: *Есть!* и *Слушаюсь!* (Ответы типа: *“Так точно!”*, *“Никак нет!”* — реакция не на приказ, а на вопрос: — *Вы были на строевых занятиях?*).

Многие приказы, не только в военной, но и невоенной сфере (*Зачислить на работу...; Уволить...* и т.п.), да и более мягкие распоряжения (*Прошу сотрудников явиться 21 мая...*) не предполагают словесной реакции.

Пожелания, относящиеся к ситуациям, не зависящим от воли говорящего: *Хорошо бы дождь пошёл!; Только бы не дождь!; Только бы занятия отменили!* Обычный способ выражения подобных пожеланий — сослагательное наклонение с частицей *бы*. Необычно использование здесь повелительного наклонения:

С неба полудённого жара не подступи,

Конная Будённого рассыпалась в степи.

(Н. Асеев).

Приведённые высказывания — **простые** речевые акты (вопросы и побуждения).

9. Итак, словесная реакция необходима или желательна не для всех вопросов и не для всех побуждений. С другой стороны, её допускают не только вопросы и побуждения, но и третий из основных речевых актов — **сообщение**. Можно ли, однако, считать реакцию на сообщение ответом, а ее сочетание с предшествующим высказыванием — парным речевым актом? Обратимся к конкретному материалу.

— *Вчера вечером по “Культуре” был хороший фильм.*

Возможная словесная реакция на это сообщение:

— *Да, я смотрел; Нет, мне не понравился; Это теперь редкость; Ты слишком часто смотришь телевизор и т.п.*

Эти реакции зачастую те же, что ответы на вопросы и побуждения:

— *Завтра придёт Коля.*

— *Нет, он завтра не сможет.*

Важно, однако, что реакция на сообщение **возможна**, но необязательна.

После вопроса или (обычно) после побуждения собеседник **ждёт ответа**. Даже грубый ответ (— *Почему ты не поехал? — Потому!* или: — *По кочану!* или: — *А тебе какое дело!*) не так обиден, как молчание. Оно расценивается как пренебрежение. Отсюда реплики типа: — *Что же ты молчишь?*; — *Соизволь ответить*.

Напротив, молчание собеседника в ответ на сообщение вполне естественно, не означает ни одобрения, ни осуждения, ни особого интереса к сказанному. Собеседник просто принимает это к сведению.

10. Показательно, что сами говорящие не расценивают словесную реакцию на сообщение как ответ. Ср.:

Маша спросила: — *Коля пойдет завтра в школу?* (Маша попросила: — *Пусть Коля идет завтра в школу*).

Я ответил: — *Нет, не сможет: школа будет закрыта.*

Мой **ответ** огорчил ее.

Но:

Маша сказала: — *Коля пойдет завтра в школу.*

Я возразил (не: **ответил!**): — *Нет, не сможет: школа будет закрыта.*

Мои **слова** (не: **ответ!**) огорчили ее.

11. Из сказанного следует, что нет оснований считать сочетание сообщения и словесной реакции на него одним парным РА. Это — **сочетание двух РА**. Наличие смысловой и формальной связи между двумя репликами еще не даёт оснований видеть здесь особую сложную единицу. Между соседними абзацами текста также существует зачастую тесная смысловая и формальная связь. Абзац *Всё это оказалось не так просто* непонятен без предшествующего абзаца, но это еще не даёт оснований видеть здесь одну сложную единицу — парный абзац.

* * *

Дальнейшее изложение строится по такому плану. В двух следующих разделах работы (II и III)

рассматривается вопросо-ответный и побудительно-ответный типы РА, а в разделе IV — признаки, общие для них. Раздел V посвящён рассмотрению нестандартных, неканонических парных РА: РА с проверочными вопросами (в том числе “экзаменационными” и “провокационными”), РА с “ответами не по существу”, РА с непрямыми (косвенными) ответами. В разделе VI рассматриваются случаи, когда парный РА сопровождается другими репликами, тесно связанными с ним по смыслу.

В заключение оговорка, касающаяся иллюстративного материала. Мы приводим немало шуток, примеров языковой игры, — не из-за особого пристрастия именно к такого рода текстам, а потому, что зачастую они особенно ярко и убедительно иллюстрируют развиваемые положения, а нередко этот “несерьезный” материал, нарушение нормы может натолкнуть на нетривиальные наблюдения и обобщения. По справедливому замечанию Томаса Манна, патологическое, пожалуй, ясней всего поучает норме (“Лотта в Веймаре”).

II. ВОПРОСО-ОТВЕТНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ

1. В соответствии с разделением вопросов по синтаксической структуре и по соотношению с ответом на три типа, вопросо-ответные РА делятся на: РА с **общим вопросом** — (1); **частным**, или **специальным** (с вопросительными словами *кто, что, куда* и т.д.) — (2); **альтернативным** — (3):

(1) — *Маша приехала?*

— *Да; — Нет; — Приехала; — Не знаю.*

(2) — *Когда приехала Маша?*

В субботу; Не знаю.

(3) — *Маша приехала в пятницу || или в субботу?*

— *В субботу; — В один из этих дней; — Ни то, ни другое — в четверг; — Не знаю.*

2. **Толкование.** Попытаемся дать общее толкование для трёх приведённых вопросо-ответных РА. Это — толкование РА с прямыми или непрямыми (косвенными) ответами и не описывает значение двух классов РА: 1) РА с проверочными (в том числе экзаменационными) вопросами (— *Иванов, какой город — столица Швеции?*) и 2) РА с ответами не по существу (— *Куда Маша уехала? — Ни слова об этом!*). Они описываются в разделе V.

За отправную точку принимаем толкования глаголов речи, предлагаемые в упомянутой статье М.Я. Гловинской [4]. Оказалось, что эти толкования приложимы (разумеется, с существенными изменениями) к описанию парных речевых актов.

В приведённых выше примерах: Р — приезд Маши; W — реальность приезда или его время; Z — обстоятельство, имеющие отношение к реальному приезду.

≈ **I часть** (толкование вопроса).

‘Говорящий: (1) не имеет какой-то информации W о Р; (2) хочет иметь информацию W о Р; (3) считает, что адресат имеет информацию W о Р; (4) говорит адресату, что хочет, чтобы адресат сказал ему W о Р’.

II часть (толкование ответа).

‘Адресат: (5) сообщает говорящему информацию W о Р; или (6) говорит, что не имеет информации W о Р; или (7) говорит в связи с Р, что Z, и считает, что говорящему понятна связь между Z и Р’.

Комментарии.

К I части:

1) Компонент (4) — ассерция.

2) Компонент (3) — мотивировка того, почему спрашивающий обращается именно к адресату.

3) Компоненты (1)–(3) — презумпции (пресуппозиции). Ю.Д. Апресян пишет: “Различие между пресуппозицией и значением в собственном смысле слова проявляется, например, в том, что они по-разному реагируют на отрицание: в область действия отрицания попадает только значение, но не пресуппозиция” [11, т. 1, с. 28–29].

В нашем случае при отрицании (*Говорящий не спросил адресата, когда приехала Маша*) отрицается только ассерция (компонент (4): ‘Говорящий сказал адресату, что хочет, чтобы адресат сказал ему о времени приезда Маши’), но не отрицается ни незнание говорящего о приезде Маши, ни его интерес к этому, ни уверенность, что об этом знает адресат.

Ко II части.

1) В толковании глагола *отвечать* М.Я. Гловинской есть компонент ‘Х (адресат) считает, что Y (говорящий) хочет, чтобы Х сказал что-то в связи с Z (предмет обсуждения)’ [4, с. 203]. В условиях диалога этот компонент представляется излишним.

2) Компоненты (5) и (6) — прямой ответ.

3) Компонент (7): ‘Адресат говорит в связи с Р, что Z, и считает, что говорящему понятна связь между Z и Р’ — несколько изменённая формулировка компонента, который даётся М.Я. Гловинской в толковании глагола *отвечать*. Он “объясняет случаи глубокого семантического эллипсиса, когда формально смысловой связи между пропозициями <...> нет. Например, — Ты поедешь

в Москву? — У меня нет зонтика” [4, с. 203–204]. Ответы такого рода, так называемые косвенные (мы, по причинам, о которых будет сказано ниже, предпочитаем называть их — **непрямые ответы**) возможны и после побуждений: — *Поезжай в Москву! — У меня нет зонтика (Нет денег)*. Непрямые ответы существенно отличаются от рассмотренных прямых ответов и по смыслу, и по структуре и рассматриваются, наряду с другими “неканоническими” парными РА, в особом разделе V.

4) В наше толкование не включен компонент ‘Адресат считает, что говорящий должен быть удовлетворен тем, что сказал адресат’ (по: [4, с. 204]). Необходимость этого компонента не очевидна: он касается общих закономерностей общения (постулаты общения Грайс [12]) — **принципа кооперации** (“Добивайся взаимопонимания с собеседником”). Его должен придерживаться каждый из собеседников. Однако, мы включили этот компонент в толкование проверочно-ответных РА (см. ниже раздел Va), поскольку отвечающий на проверочный вопрос особенно сильно заинтересован в том, чтобы его ответ удовлетворил спрашивающего.

Кроме рассмотренных общих признаков каждый из типов вопросов и ответов имеет свои особенности. Ниже, в пп. 3–7 рассматриваются некоторые из них.

3. Для адресата важно понимать *причину*, вызвавшую инициальное высказывание, намерения и степень заинтересованности собеседника. Здесь — широкий спектр: глубокая заинтересованность — пример (1), праздное любопытство — (2), участие — (3), опасение — (4) и т.д. Нередки при этом случаи непонимания или игры в непонимание.

(1) — *Как мне пройти к Охотному ряду? — Третий переулок налево.*

(2) На вокзале пассажир спрашивает у служащего:

— *Скажите, здесь вход для депутатов Государственной Думы?*

— *Да, проходите, пожалуйста.*

Его спутница: “*Разве вы депутат Государственной Думы?*”

— *А разве я говорил, что я депутат? Я просто спросил, здесь ли вход для депутатов.*

(3) В кинотеатре:

— *Тебе хорошо видно, дорогая? — Да, спасибо.*

— *И тебе никто не мешает? — Нет, никто.*

— *А кресло удобное? — Да, все в порядке.*

— *Может, поменяемся местами?*

(4) В гостинице, где “всё для клиента”.

— *У вас клопы есть?*

— *Нет, но если желаете — можем запустить.*

Так называемое инклюзивное или “докторское” мы выражает сочувствие говорящего (— *Как мы себя чувствуем, больной?*), однако, оно дает адресату формальное основание понимать высказывание буквально, спекулируя на этом сочувствии:

Судья был в затруднении, как обращаться к бродяге — на вы или на ты.

Первое казалось ему слишком уважительным, второе — некорректным. Судья решил обратиться на мы: “Итак, похоже, что мы украли часы”, — сказал он. “Вы, может быть, и украли, Ваша честь, — ответил обвиняемый. — Я же их не крал” (по: Н. Романова, А. Филиппов. “Русский язык в СССР”, 1991, N10).

4. Вопросы различаются между собой по степени сложности для отвечающего. Ответ на частные (включающие вопросительное местоимение) вопросы иногда затруднителен. Ср. шутку:

Кто-то, желая смутить Пушкина, спросил его в обществе: — *Какое сходство между мной и солнцем?* Пушкин быстро нашелся: — *Ни на вас, ни на солнце нельзя взглянуть не поморщившись.* (Рус. лит. анекдот).

— *Кто это разбил окно?*

— *Мама. Но виноват папа. Он пригнулся, когда тарелка летела ему в голову.*

Легче ответ на альтернативные и еще легче — на общие вопросы (предполагающие ответы *да* или *нет*). Эти различия особенно ярко проявляются в экзаменационных (проверочных) вопросах:

Три студента — американский, английский и русский обсуждают, где легче сдавать экзамены.

Американец говорит: — *У нас просто сдают. На экзамене задают вопросы типа: в каких единицах измеряется сила тока?*

Англичанин: — *У нас еще легче. Дают вопрос — в каких единицах измеряется сила тока, и к нему три ответа: кг, ампер, литр. Тут и выбираешь.*

Русский: — *А у нас приходишь на экзамен, и тебя спрашивают: а не в амперах ли измеряется сила тока?*

Возможен перехват инициативы адресатом. Ср. шутку:

На вопрос жены: “*Ты гулял сегодня с собакой?*” ни в коем случае нельзя отвечать “*Нет*”, потому что она скажет: “*Так погуляй же!*” Нужно отвечать: “*Нет. А ты?*”

5. Обычный ответ на альтернативный вопрос — указание одной из альтернатив как истинной: — *Что будете пить, вино или водку? — Вино.*

Адресат может отвергнуть обе части альтернативы: “*Ни то, ни другое*”, может принять обе: “*И то, и другое*”. Необычен ответ в шутке, где не только принимаются обе части альтернативы, но к ним добавляется еще одна: — *Что будете пить, вино или водку? — И пиво!*

Возможны вопросы, указывающие на противоположные части шкалы того или иного признака, ср.: *Она старая || или молодая?* Ответы *Ей двадцать лет; Она среднего возраста* не аномальны, хотя они отличаются от обеих альтернатив.

Значит ли это, что прав Х. Хиж, который считает, что дизъюнкция в альтернативных вопросах всего лишь **задает область** [13]? Едва ли. Ведь тогда мы вынуждены признать синонимичными альтернативные вопросы и соответствующие частные. Хотя в ряде случаев это, действительно, так (*Она старая || или молодая? = Какого она возраста?*), однако в общем случае альтернативные и частные вопросы существенно различаются по значению, ср.:

Завтра || или послезавтра? ≠ Когда? Видимо, альтернативный вопрос задает одновременно и область, и наиболее вероятные элементы этой области. Так, вопрос *Что вам больше нравится — запах розы или запах резеды?* задает область (*цветы*) и ее наиболее вероятные элементы (*роза, резеда*). Аномалия возникает не при нарушении этого исходного предположения о вероятных элементах (ответ *Запах фиалки* не аномален), а при нарушении задаваемой вопросом **области** (ср. аномальность, обыгрываемую Пушкиным в письме П.А. Вяземскому: *Что более вам нравится? запах розы или резеды? — Запах селедки*).

6. В случае **общих вопросов с союзом или** (они отличаются интонационно от альтернативных), говорящий, как и в случае других общих вопросов, рассчитывает на ответ “да” или “нет”, то есть на подтверждение (или, наоборот, снятие) своего предположения. Ср.:

А: *Стекло разбил Коля или Пётя?*

В: *Да, кто-то из них (или: Нет, это сделал кто-то другой).*

Однако получение подобных ответов — это, видимо, “программа-минимум”. Более желателен точный ответ, указывающий виновника происшествия, например: *Это сделал Петя* или: *Нет, это сделал Сережа*. Данное явление нельзя считать свойством именно общих вопросов с разделительными союзами: Е.В. Падучева отмечает вопросы, по

форме общие, но фактически нацеленные на ответ, предназначенный для частного вопроса: *Ты далеко собрался?* (≈‘куда’); *И много тебе там платят?* (≈‘сколько’) [14, с. 233–234].

8. Разумеется, сказанным отнюдь не исчерпывается многообразие видов вопросов и ответов и отношений между ними. А.А. Кибрик приводит интересное наблюдение из статьи “Простейшая систематика чередования реплик в разговоре” (Sacks, Schegloff, and Jefferson 1974): внутри “смежной пары” (adjacency pairs) вкладывается другая смежная пара:

Вопрос 1: *“Не подскажете, где здесь почта?”* — [Вопрос 2: *“Видите тот киоск?”* —

Ответ 2: *“Да.”*] — Ответ 1: *“Там надо повернуть направо”* [2, с. 13–14].

Некоторые нестандартные (неканонические) РА будут рассмотрены в разделе V.

III. ПОБУДИТЕЛЬНО-ОТВЕТНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ

1. Толкование.

Мы имеем дело с большой группой весьма разнообразных парных РА (просьбы, советы, предложения, призывы, требования и т.д. и ответы на них — прямые и не прямые (косвенные)). Попытаемся, однако, дать для них общее толкование. Исходим, как и при толковании вопросо-ответных РА, из толкований глаголов речи М.Я. Гловинской [4, с. 180–181].

[Разговор отца с сыном]:

— *Шёл бы ты в школу;* — *Иди в школу;* — *Марш в школу!*

— *Иду;* — *Не хочу!;* — *У меня голова болит.*

≈ **I часть.** Говорящий: (1) ‘хочет, чтобы адресат сделал Р’; (2) ‘для говорящего не очевидно, что адресат, при нормальном ходе событий, сам по себе сделает Р’; (3) ‘считает, что адресат может сделать Р’; (4) ‘говорит, что он хочет, чтобы адресат сделал Р’.

II часть. Адресат: (5) ‘говорит говорящему, что сделает Р’; или (6) ‘говорит в связи с Р, что Z, и считает, что говорящему понятна связь между Z и Р’ или: (7) ‘говорит, что сам по себе сделает Р’; или (8) ‘говорит, что не может сделать Р’; или (9) ‘говорит, что не хочет сделать Р’.

Комментарии.

К I части.

1) Компонент (4) — ‘Говорящий говорит, что он хочет, чтобы адресат сделал Р’ — ассерция.

2) Компоненты (1)–(3) — презумпции. При отрицании (— *Отец не просил сына идти в школу*) отрицается только ассерция (‘Отец **говорит**, что хочет, чтобы сын шёл в школу’), но не отрицается ни желание отца отправить сына в школу, ни сомнение отца, что сын сам по себе пойдёт в школу, ни уверенность отца в том, что сын может пойти в школу.

3) Компонент (1) даётся в формулировке, используемой Дж. Серлем [15, с. 209] и А. Вежбицкой [16, с. 49]: ‘Говорящий хочет, чтобы адресат сделал Р’. М.Я. Гловинская предлагает другую формулировку: ‘X хочет, чтобы было Р’ [4, с. 181].

4) Компонент (2) связан с условием успешности побуждений, которое Е.В. Падучева [14, с. 25] формулирует вслед за Серлем следующим образом: “Ни для Г, ни для С не очевидно, что С, при нормальном ходе событий, сам по себе совершит Д”. Необходимость этого компонента подтверждается его нарушением в следующей шутке:

Когда получишь письмо от сестры насчет денег, то надень штаны и сходи в книжный магазин “Нового времени”: тут получи деньги за мои книги и вышли их сестре полностью (А. Чехов — Ал.П. Чехову, 5 июня 1890). (Очевидно, брат Чехова “при нормальном ходе событий” и сам по себе, не побуждаемый Чеховым, “совершил бы действие Д” — надел бы штаны, выходя на улицу).

5) Компонент (3) ‘Говорящий считает, что адресат может сделать Р’ — связан с тем, что, как отмечают Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв, “любое побуждение тривиальным образом связано с тем или иным типом контролируемости ситуации” [5, с. 104].

6) В I часть толкования не включен компонент ‘Говорящий считает или знает, что адресат не обязан делать Р’, который М.Я. Гловинская считает общим для всех просьб [4, с. 180]. Дело в том, что этот компонент входит в значение далеко не всех побудительно-ответных высказываний. Так, в приведённом выше примере отец вряд ли считает, что сын **не обязан** ходить в школу.

Ко II части.

1) Компонент (5) — реакция на ассертивный компонент (4) I части (‘Говорящий говорит, что он хочет, чтобы адресат сделал Р’):

— *Иду;* — *Не пойду.*

2) Компонент (6): ‘Адресат говорит в связи с Р, что Z, и считает, что говорящему понятна связь между Z и Р’ тоже реакция на ассертивный компонент (4). Он учитывает случаи непрямого (косвенного) ответа: — *Поезжай в Москву!* — *Денег нет.*

Этот компонент является общим для ответов на побуждения и на вопросы (см. выше) и рассматривается в разделе Vb.

3) Компоненты (7), (8), (9) — реакция на презумптивные компоненты I части: на (1): — *Ты же на самом деле этого не хочешь!*; на (2) — *Без тебя знаю* (— *Сам давно собираюсь*); на (3): — *Не могу, нога болит*.

4) В толкование не включен компонент 'Адресат считает, что говорящий должен быть удовлетворен тем, что сказал адресат' (по: [4, с. 204]), поскольку это, как мы уже говорили, — общий принцип общения, которого должен придерживаться любой адресат.

2. Приведённое толкование побудительно-ответных РА, естественно, огрублено и не может учесть всё смысловое и формальное богатство этих речевых актов.

Одно из основных огрублений в приведённом толковании — отсутствие оценочных характеристик, в частности — указаний **оценочного предпочтения**. Между тем Н.Д. Арутюнова отмечает, что именно диалог — наиболее естественная среда для предложений, включающих предпочтение (она называет его операциональным) [6, с. 225].

Для выражения предпочтения язык обладает широким арсеналом средств. Одно из них — тщательно анализируемые Н.Д. Арутюновой наречия *хорошо, плохо, лучше, хуже* (*Хорошо бы тебе уйти; Лучше оденься потеплей; Лучше тебе уйти, чем мешать всем*) (см. [6, с. 224 и сл.]).

3. С еще более распространённым и более тонким инструментом предпочтения, выбора из двух альтернатив, я столкнулся при исследовании значения и употребления сочинительных союзов (см. [9]). Несколько примеров.

Союз **или** указывает на **равноценность альтернатив**: — *Сделай это завтра или послезавтра*; — *Кого пригласишь — Кóлю || или Пётю?*

Говорящий сообщает, что для него указанные альтернативы равноценны и, подозревая, что они неравноценны для адресата, призывает его сделать выбор между альтернативами.

В ответах также встречается указание на равноценность альтернатив:

— *Кого пригласишь? — Колю или Пётю.*

Встречаются конструкции с союзом **или**, где компоненты, напротив, настолько неравноценны, что высказывание звучит как угроза (— *Давай деньги или прощайся с жизнью*). Эти конструкции нередко используется для создания комического

эффекта: — *Девочка, ты хочешь на дачу или чтобы тебе оторвали голову?* (К/ф "Подкидыш").

С помощью союзов **хоть ... хоть, что ... что** выражается **подчёркнутая ситуативная равноценность** разнородных, зачастую противоположных по значению компонентов. Нередко эта равноценность выражается дополнительно присоединением выражения **всё равно**:

— *Хоть днём, хоть ночью, хоть один, хоть с друзьями — всё равно, приходи.*

— *Ты в Крым летом едешь? — А мне что в Крым, что на Кавказ — лишь бы море было.*

Обычный способ выражения выбора одного из компонентов и отказа от другого в побуждениях — союзы **не ... а; а не**: — *Приходи не во вторник, а в среду*; — *Приходи в среду, а не во вторник*.

Иногда обе альтернативы приемлемы, но одна (первая) предпочтительна. Эта ситуация описывается с помощью союза **не... так**:

— *Икру принеси, не черную, так красную.*

Говорящий просит принести чёрную икру, но может удовольствоваться и красной. Показательно, что перед вторым компонентом возможен союз **хоть**: ... *так хоть красную*. На указанное значение накладывается значение **обязательности** одного из компонентов.

В ответах на вопросы и побуждения союз **не... так** точно так же указывает на основную цель ("программа-максимум"), а второй на нечто менее желательное ("программа-минимум"):

— *Принеси что-нибудь вкусенькое* (— *Принесешь что-нибудь вкусенькое?*).

— *Икру принесу, не черную, так (хоть) красную.*

Близкое значение имеют побуждения и ответы с союзом **а то и**. Однако, здесь порядок компонентов обратный: менее желательное обозначается не вторым, а первым компонентом: *Принеси (принесу) красную, а то и чёрную икру*.

(О некоторых различиях в смысле и употреблении союзов **не ... так** и **а то и** см. [9, с. 215–217]).

4. Побуждения различаются **степенью категоричности** и ответы обычно соответствуют им по степени категоричности.

1) Низшая степень — мягкое побуждение с использованием сослагательного наклонения (*Лечь бы тебе спать!*), 1-го лица множ. числа (*Ляжем-ка спать!*), частицы **-ка** (*Ложись-ка спать!*).

Любопытна маскировка важных просьб одной, легко исполнимой:

— *Бабушка, дай напиться, а то так есть хочется, что даже ночевать негде!*

Мягкое побуждение рассматривается в статье Г.И. Кустовой [17]. Автор отмечает, что равные по статусу коммуниканты избегают формы императива, предпочитая мягкое побуждение, и справедливо отмечает: "...в мягком побуждении говорящий заранее даёт адресату возможность отказаться" [17, с. 186].

Ответы на мягкое побуждение используют частицы *-ка, ли* при глаголе, выражения со словами типа *пожалуй, правда* и т.п.: *Да, пойду-ка спать; Пожалуй (правда), лягу.*

2) Более настойчивы побуждения в форме повелительного наклонения (*Ложись спать!*). **Ответы:** *Хорошо; Иду; Не хочу!* и т.п.

3) В **требованиях** используются формы буд. времени и соответствующая интонация (*Завтра идёшь в школу!*) или опущение глагола (*Завтра — в школу!; Марш в постель!*), выражения типа: *Не вздумай туда ходить!; Брось ерундить!; И чтобы духу твоего здесь не было!; И никому ни слова!*; а также слова типа *немедленно, без разговоров* и т.п.

Ответ: положительный, согласие (*Хорошо; Сейчас ухажу*; часто с частицей *да* и/или повторением глагола: *Да иду, иду!* и т.п.) или отрицательный (*Нет, не пойду; Ни в коем случае!; Еще чего?* и т.п.). Несогласие требует обоснования: *У меня горло болит, Занятия отменили, Мороз 40 градусов* и т.п.

Степень категоричности побуждений теснейшим образом определяется социальным фактором — соотношением социальных ролей участников ситуации: отец, например, не может *дерзить* или *грубить* сыну, а сын — *благоволить* к отцу (см. [18, с. 133 и сл.; 145–164]). Вот сценка, комизм которой вызван нарушением этого правила:

Разговор 5-летнего Арсения Л. с отцом:

— А ну, вставай немедленно!

— Что-то ты меня сегодня мало радовашь, папа. Грубый очень.

Зачастую, однако, степень категоричности ответа не соответствует степени категоричности побуждения. Здесь, кроме социальных, действуют конкретные условия общения, темперамент собеседников и т.п.:

— Шёл бы ты, Митенька, на занятия! (— *Иди-ка, дружок, на занятия!*).

— Еще чего!; — Не твоё дело!

5. О типах реакции на побуждение.

А.А. Кибрик приводит интересное наблюдение из статьи "Простейшая систематика чередования реплик в разговоре" (Sacks, Schegloff, and Jefferson 1974), сделанное на материале английского

языка, но справедливое и по отношению к русскому. В побудительно-ответных РА реакции (т.е. вторые части) могут быть предпочтительными и не-предпочтительными. Например, предпочтительной реакцией на приглашение является принятие приглашения. Непредпочтительные реакции — такие, как отказ от приглашения, — характеризуются тем, что им обычно предшествует пауза-заминка, а сами они более длинны и включают преамбулу и мотивировку [2, с. 14].

В русистике это различие обозначают терминами **согласие** и **несогласие**. Специально этому вопросу посвящена интересная статья О.П. Ермаковой [19]. Тщательно анализируется психологическая и эмоциональная нагрузка, которую в зависимости от ситуации несут согласие и несогласие. Ограничимся здесь несколькими краткими замечаниями.

В условиях реального речевого общения даже за вполне определёнными показателями согласия и несогласия — ответами *да* и *нет* — может скрываться иной смысл. Пример:

Если дипломат говорит "*да*", это значит "*может быть*", если он говорит "*может быть*", это значит "*нет*", а если он говорит "*нет*", то какой же он дипломат? Если женщина говорит "*нет*", это значит "*может быть*", если она говорит "*может быть*", это значит "*да*", а если она говорит "*да*", то что же она за женщина?

Есть более сильные, чем *да* и *нет*, способы выразить согласие или несогласие.

Разговор двух приятелей:

— Ты знаешь, она мне вчера, судя по всему, отказала.

— Ерунда! Когда женщина говорит "*нет*", это значит "*может быть*".

— Но она мне сказала: "*Что? Тьфу!*" (= решительное "*нет*").

Несогласия имеют разную степень категоричности: от грубых (см. последний пример) до мягких: *Не стоит, пожалуй; Может, попозже; Надо об этом подумать.*

В условиях общения чрезмерно охотное согласие из стремления быть вежливым может обернуться грубой невежливостью:

Дама, шутя, спросила молодого человека, будет ли он на ее похоронах. — "*Без сомнения, сударыня, с величайшим удовольствием!*"

Нередки согласия с ограничениями: *Идите, но тихо (поскорее возвращайтесь* и т.п.).

Псевдосогласие (фальшивое согласие) детально анализируется в статье [19]. Приведём несколько примеров из нашей работы [10]:

“Согласие” матери Никиты на то, чтобы ему дали лошадь: “*Ах, в таком случае делайте всё, что хотите, садитесь на бешеных лошадей, ломайте себе головы*” (А. Толстой. Детство Никиты).

— *Хочешь мы завтра привоколем тебе Веру Дулову?*

— *Конечно, если вы хотите, чтобы я ее, вашу Веру Дулову, удавил струною от арфы, — тогда, пожалуйста, волоките* (Вен. Ерофеев. Москва—Петушки).

Псевдовозражения:

— *Прекрасная Галатея! Говорят, что она красит свои волосы в чёрный цвет?*

— *О нет; ее волосы были уже черны, когда она их купила* (Г. Лессинг).

IV. ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ ВОПРОСО-ОТВЕТНЫХ И ПОБУДИТЕЛЬНО-ОТВЕТНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Основные особенности парных РА (вопросо-ответных и побудительно-ответных), отличающие их от простых РА, были рассмотрены в разд. I. Укажем другие признаки, сближающие вопросо-ответный и побудительно-ответный акты.

1. Сравнивая толкования этих двух типов парных РА, мы видим, что в них много общего. **Говорящий** добивается от адресата чего-то (информации, согласия совершить какое-то действие и т.д.), предполагает, что адресат может ему помочь и говорит об этом адресату. **Адресат** сообщает/не сообщает требуемую информацию или говорит о согласии/несогласии, возможности/невозможности совершить некое действие. Естественно, что в ряде случаев одна и та же ответная реплика возможна как словесная реакция и на вопрос, и на побуждение:

— *Ты пойдешь в школу?* или: — *Иди в школу.*

— *Иду;* — *Не хочу!;* — *У меня голова болит.*

2. Смысловая близость между вопросом и побуждением особенно ощутима, когда речь идёт о намерениях и возможностях. Здесь от вопроса до побуждения — один шаг. Этот шаг делается в случае так называемых **косвенных побуждений** (классический пример: *Вы не могли бы передать мне соль?*). В работе [5, с. 250] отмечается, что вопросительные предложения вроде *Нет ли у вас спичек?*; *Вы не знаете, который час?*; *Вы не могли бы помочь мне с вещами?* “являются стандартными выражениями просьбы”.

По сути, побуждениями являются также вопросительные предложения с глаголом совершенного вида в форме 2-го лица буд. времени (*Да замолчишь ты?*), с частицей *ли* (*Не лечь ли тебе спать?*; *Не пора ли на боковую?*) и т.д.

Интересный вид побуждений — “**Пушкин-вопросы**”. Это вопросы типа “*А уроки за тебя отец будет делать?*”, который зачастую принимает форму “*А уроки за тебя Пушкин будет делать?*”. Он выражает требование сделать нечто. Обычно социальная роль говорящего выше социальной роли слушающего (о симметричных и асимметричных ролевых отношениях в речевых актах и речевых жанрах см. [18], [20]). Впрочем, возможно и обратное: призыв к отцу *А игрушку мне Пушкин купит?* груб, но возможен. Обыгрывание “Пушкин-вопроса” встречаем у М. Булгакова и Вен. Ерофеева:

Никанор Иванович <...> совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: “А за квартиру Пушкин платить будет?” или “Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?”, “Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?” (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

... как немножко напьюсь, так сразу к нему (возлюбленному) подступаю: “А кто за тебя детишек будет воспитывать? Пушкин, что ли?” (Вен. Ерофеев. Москва—Петушки).

По значению косвенные побуждения близки “обычным” побуждениям (*Передайте, пожалуйста, соль!; Помогите мне с вещами*) и предполагают ту же реакцию — действие или ответы типа: *Пожалуйста; У меня нет часов; К сожалению, не могу; Сейчас сяду за уроки*. Однако, они, как справедливо отмечается в [14], “сохраняют нечто от семантики вопроса”. Об этом убедительно свидетельствуют случаи языковой игры, когда это “нечто” усиливается и обыгрывается:

Двое, сойдя на полустанке, идут лесополосой. Вдруг один выхватывает нож и грозно спрашивает:

— *Деньги есть?*

— *А тебе зачем?* — отвечает другой, достав из-за пояса топор.

— *Да разменять думал.*

Первый вопрос (— *Деньги есть?*) — это, в сущности, требование. Однако, то обстоятельство, что здесь все-таки остается нечто от семантики вопроса, позволяет грабителю перестроиться и выдать свое требование за невинный вопрос.

Вопрос может быть по смыслу не только просьбой, но и запретом:

Жена в ярости бьет пьяного мужа:

— Будешь пить, скотина? Будешь пить, скотина?

— На-ли-ва-ай... Уговорила...

3. Временной интервал между вопросом и побуждением и реакцией на них — ответом разный для разных ситуаций, но не может быть слишком большим, ср. следующую шутку:

[Переписка двух приятелей] *“Прости, дорогой Аркадий, что я долго не отвечал тебе. Дело в том, что когда мы в прошлом году встретились случайно в театре Корша, ты спросил у меня, не могу ли я тебе одолжить сто рублей <...> К сожалению, у меня тогда не было таких денег, а теперь есть и, если тебе надо, я могу прислать”. Я ответил ему: — “Три года тому назад однажды в ресторане Малоярославец ты спросил меня, который час? К сожалению, у меня тогда часы стояли. Теперь я имею возможность ответить тебе на твой вопрос. Сейчас четверть второго”* (А. Аверченко).

4. Если для сообщений важнейшими признаками речевого акта являются истинность и информативность, то для первой части парных РА это — **искренность/неискренность**.

Говорящий может быть неискренним — или потому, что уже обладает нужными сведениями, или потому, что не испытывает интереса к делам адресата (отсюда ответные реплики адресата: — *Ты же сам это знаешь!; Разве тебе это интересно?; — Тебе же это до лампочки!*).

Ср. также указания на неискренность просьбы:

Когда гроб опускали в могилу, жена даже крикнула: “Пустите меня к нему!”, но в могилу за мужем не пошла, — вероятно, вспомнив о пенсии (А. Чехов. Оратор).

Ответы армянского радио. *Товарищ Карапетян просит исполнить сонату си-минор Листа. Отвечаем: Не выпендривайтесь, товарищ Карапетян.*

5. **Понятие истинности** для первой части парного РА (вопроса и побуждения) не существует. Реплики типа: — *Правда; — Неправда* возможны как ответ на сообщение (*Даша летом ездила в Крым*), но не на вопросы (*Даша летом ездила в Крым?; Куда Даша ездила летом?*), и не на побуждения (*Поезжай летом в Крым*). Говорящий не знает ответ и, естественно, не может поставить под сомнение любой ответ.

Однако утверждение Н.Д. Арутюновой, согласно которому понятие истинности существует **только** для суждения и только суждение допускает подтверждение словами *правда, верно, правильно* или отрицание — словами *неправда, неверно,*

неправильно, не может быть, ложь, бред, вздор, чушь и т.п. (см. [6, с. 611–612]), нуждается в некотором уточнении.

Есть ответы, об истинности которых говорящий может судить. Это случаи, когда говорящий **знает ответ**:

1) Ответы на так называемые экзаменационные (проверочные) вопросы, когда говорящий **знает ответ** и может судить об истинности того ответа, который он получил от адресата:

— *Какой город столица Швеции? — Осло. — Молодец, правильно.*

— *Какой город столица Швеции? — Хельсинки. — Неправильно.*

2) Ответы на близкие к проверочным провокационные вопросы:

— *Ты в школе был? — Да. — Неправда, ты с девушкой в кино ходил.*

3) Некоторые косвенные (непрямые) ответы:

— *Поедешь летом в Крым? (— Поезжай летом в Крым).*

— *С работы не отпускают.*

— *Врёшь, они сами предлагают тебе отпуск.*

В логике выделяются три простых истинностных значения (Истина, Ложь, Абсурд) и несколько сложных, в том числе **дизъюнкция** Ложь V Абсурд (Ложь **или** Абсурд) [7]. В естественном языке в ответе тоже встречается сочетание лжи и абсурда, но это — **конъюнкция** — ложь **и** абсурд:

Разговор в подвале:

— *О господи! Ты что тут делаешь?*

— *Трамвая жду*, — зло ответил Ивушкин (пример О.П. Ермаковой).

Приведём ещё два примера абсурдных ответов — из практики диалектологических экспедиций:

Студентка для получения каких-то сведений о местном говоре спрашивает, указывая на корову: — *Бабушка, это кто? — Лёв* (лев).

— *Бабушка, а чем вы суп едите? — Да как и вы — кочергой.*

6. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев утверждают, что модальные слова типа *наверное, возможно* как показатели гипотетичности несовместимы с показателями вопросительности или побудительности: **Есть ли у вас, может быть, англо-русский словарь?; *Кто, несомненно, разбил окно?; *Вероятно, сходи за хлебом* [5, с. 294].

Следует заметить, что в некоторых **общих вопросах** слова типа *наверное* допустимы: *Это, наверное (вероятно, конечно), мрамор?*

Что касается **ответов** — второй части вопросо-ответных и побудительно-ответных РА, то здесь эти и другие модальные слова вполне обычны:

— *Есть ли у вас англо-русский словарь?*

— *Наверное (кажется, вряд ли) есть.*

— *Сходи за хлебом.*

— *Пожалуй (может; вряд ли) пойду.*

Можно указать еще один показатель гипотетичности в ответах. Это союз *а может (быть)* или двухместный союз *может (быть)... а может (быть)*:

— *Когда придёшь к нам? (— Приходи к нам).*

— *Может, завтра, а может (быть), послезавтра.*

7. Нельзя обойти молчанием сложный случай, когда вопросы, побуждения и ответы на них сопровождаются репликами *спросил, попросил, ответил, прошептал* и т.п.:

Коля повысил голос: — *Куда ты едешь?* Петя буркнул: — *В Крым.*

или:

Коля спросил: — *Куда ты едешь?* — *В Крым,* — ответил Петя, улыбаясь, — *к семье.*

В приведённых примерах вопрос и ответ, как и в случае диалога, тесно связаны и по смыслу, и формально, однако они сопровождаются другими репликами, тоже нуждающимися в толковании. Толкование этих высказываний, естественно, должно включать, кроме толкования вопросо-ответного или побудительно-ответного РА, также толкование реплик, их сопровождающих.

V. НЕКАНОНИЧЕСКИЕ ПАРНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

1. Рассмотрим три типа необычных, нестандартных парных РА. Будем называть их **неканоническими**:

1) **РА с экзаменационными (проверочными) вопросами** (*Иванов, какой город — столица Швеции?*). Необычность — в первой части парного РА — в вопросе: говорящий, в отличие от обычных РА, **знает ответ**.

В двух других парных РА необычна, напротив, вторая часть — ответ:

2) **РА с ответами не по существу**: — *Куда Маша уехала?* — *Не будем об этом! (— А ты почему спрашиваешь?; — В субботу);*

3) **РА с непрямыми ответами**:

— *Поедешь в Крым?* — *С работы не отпускают.*

В подразделах Va, Vб, Vв — краткие замечания о каждом из этих типов неканонических РА.

Va. Проверочно-ответные РА

1. Особое место среди вопросо-ответных РА занимают диалоги с так наз. **экзаменационными вопросами**.

Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв считают основным в вопросе желание говорящего получить от адресата речи ответ (вербальную реакцию) (см. [5, с. 257]). Экзаменационные вопросы полностью удовлетворяют этому требованию: здесь ответ не только желателен — он необходим, причем временной интервал между вопросом и ответом должен быть по возможности коротким. Как и “обычный” ответ, ответ на экзаменационный вопрос теснейшим образом по смыслу и по форме связан с вопросом, неотделим от него и без него не имеет смысла: — *Стокгольм;* — *Ивана Грозного;* — *В 1280-ом году.*

Однако цель спрашивающего — не получить какую-то информацию, как это имеет место в случае обычных вопросов, а проверить знания собеседника и дать им оценку. Экзаменатор “знает ответ”. Это — особый вид вопросо-ответных РА. Как его называть? Термин “экзаменационно-ответный” РА представляется слишком громоздким, а главное — он узок и неточен: аналогичные вопросы возможны не только на экзаменах, но и на уроках, в ситуации “учитель — ученик”, а также во многих других ситуациях: “офицер — солдат” (*Иванов, сколько рот в составе батальона?*), “шеф-повар — повар-практикант” (*Из какого мяса, Иванов, готовится эскалоп?*), “отец — сын” (— *Скажи, Вова, какой город — столица Швеции?*). Особенно часто вопросы такого типа адресуются маленьким детям: “*Вова, как зовут нашу маму? А наш город как называется?*”. Называть эти вопросы **экзаменационными** несколько странно. Возможно, стоит использовать более общий и менее официальный термин. М.Я. Гловинская предлагает термин “контрольный вопрос”. Мы будем называть этот вопрос **проверочным**, а рассматриваемые парные речевые акты — “**проверочно-ответными**”.

2. Толкование проверочно-ответного РА.

— *Кто новый президент Украины?*

— *Зеленский (— Не знаю).*

≈ **I часть** (толкование вопроса).

‘Говорящий: (1) имеет информацию W о Р; (2) хочет знать, имеет ли адресат информацию W о Р; (3) говорит адресату, что хочет, чтобы адресат сказал ему W о Р’.

II часть (толкование ответа).

‘Адресат: (4а) сообщает говорящему информацию W о Р и (4б) считает, что говорящий должен быть удовлетворен тем, что сказал адресат; или (5) говорит, что не имеет информации W о Р’.

Комментарии.

К I части:

1) Компонент (2) — мотивировка того, почему говорящий обращается к адресату.

2) Компонент (1) — презумпция. При отрицании (*Профессор не спросил студента, кто новый президент Украины*) отрицается ассерция (факт говорения), но не отрицается знание профессора о фамилии нового президента Украины.

Ко II части:

В толкование включен компонент ‘Адресат считает, что говорящий должен быть удовлетворен тем, что сказал адресат’, который мы не включили ранее в толкование “обычных” вопросо-ответных РА, поскольку это — требование к любому участнику любого диалога (см. выше). Однако в случае проверочно-ответных РА адресат особенно заинтересован в том, чтобы проверяющего удовлетворил его ответ. Здесь требования к ответам особенно высоки. Любая приблизительность, конструкции с *или*, со словами *кажется, примерно, около* и т.п. снижают оценку. Ср.:

— *Кто написал “Я помню чудное мгновение”?*

— *Кажется, Пушкин... (— Пушкин или Лермонтов...)*

3. Близки к проверочным “провокационные” вопросы, где спрашивающий знает ответ, но, подозревая, что адресат скрывает правду, и желая уличить его во лжи, предлагает ему вопрос-западню. В случае положительного ответа — разоблачение:

— *Ты в школе был?*

— Да.

— *Неправда, ты в кино с девушкой ходил.*

Толкование (Р — посещение школы).

≈ **I часть** (толкование вопроса).

‘Говорящий: (1) знает, что Р не имеет места; (2) допускает, что адресат хочет скрыть, что Р не имеет места; (3) с целью уличить адресата во лжи просит адресата подтвердить, что Р имеет место’.

II часть (толкование ответа).

‘Адресат: (1) говорит, что Р не имеет места; или: (2) говорит, что Р имеет место, и, тем самым, дает основание уличить себя во лжи’.

4. Несколько слов об одной близкой к проверочно-ответным группе парных высказываний, старом и очень живучем, постоянно меняющем не только содержание, но и форму. Это **загадка** — еще один (наряду с шуткой и анекдотом) любопытный случай совпадения речевого акта с речевым (и с литературным, фольклорным) жанром в одном тексте.

Загадка, подобно парным РА, имеет диалогическую структуру: вопрос — ответ. Ответ обязателен, но, как в проверочно-ответных РА, спрашивающий **знает ответ**. Отличие в том, что цель спрашивающего — не проверить знания адресата, а развлечь его, сообщив ответ на трудный вопрос:

— *Что это такое: дом без дверей — полна горница гостей? — Огурец.*

— *Какой полуостров жалуется на свою величину? — Ямал.*

— *Что будет в Сахаре, если там победит социализм? — Начнутся перебои с песком.*

— *Как называется каннибал, который пожрал своих отца и мать? — Круглый сирота. (З. Фрейд).*

— *Что такое идеальный муж? — Слепой, глухонемой капитан дальнего плавания.*

— *Чем кончаются и ночь, и день? — “мягким знаком” (по: [5]).*

— Почему не говорят: “Красна чья морда?” — Потому что говорят: “ал-кого-лик” (Н. Еськова?).

Вб. Речевые акты с “ответами не по существу”

Это РА, где нарушается постулат информативности Грайса [12]: ответ не содержит нужной говорящему информации. Обшучивание подобных ответов нередко уже в русском фольклоре: — *Давно ль не видались? — Да как расстались (В. Даль).*

Ответы не по существу настолько разнообразны, что мы затрудняемся дать для них общее толкование.

1. Нередко вместо ответа на **содержание** вопроса или побуждения предлагается реакция на сам **факт обращения**. Это — одобрение, желание обсуждать тему (примеры (1)) или отказ от обсуждения — (2):

(1) *Хорошо, что ты об этом заговорил (вспомнил);*

Я (охотно) отвечаю на ваш вопрос.

(2) *Не надо об этом!; Перестань!; Ещё чего!; Не скажу!; Да катись ты...; Без комментариев!*

2. Иногда сообщается не сам отказ отвечать, а **причина**, его вызвавшая: подозрение, что говорящий уже имеет информацию (— *Ты же сам это прекрасно знаешь!*) или она не представляет для него интереса (— *Тебе же это до лампочки!*), сомнение в чистоте намерений говорящего (— *Не буду я отвечать на ваши провокационные вопросы!*), в его скромности (— *Разболтаешь!; Скажи курице, а она всей улице*), в его праве спрашивать или предлагать (— *Не твоё дело!; — Ты мне не указчик!*).

Возможно объединение в одном высказывании прямого ответа и некоторых из указанных выше смысловых компонентов: — *Нет, не приехала Маша, но ты, ведь, это и сам знаешь (да и неважно тебе это)*.

Иногда парадоксальным образом говорится о нежелании отвечать, а затем излагается ответ:

Ничего я на это не ответил. Только побледнел ужасно и говорю: — Я, говорю, товарищ деверь, родной матери не позволю морду мне арбузом разбивать <...> Ничего я на это не ответил, только говорю: — Тьфу на всех, и на деверя, говорю, тьфу (М. Зощенко. Стакан).

3. Иногда отказ ответить на вопрос имеет форму: “Сам дурак!”:

В Армянское радио пришел вопрос из Америки: “Сколько получает советский инженер?”. После долгого молчания Армянское радио ответило: “— *А у вас негров линчуют*”. (Впрочем, в ответе содержится некоторая информация: зарплата советского инженера — очень низкая).

4. Интересный вид ответа не по существу — контрвопрос. О.П. Ермакова отмечает, что на вопросы типа: *В какой квартире живёт N?; Вы не скажете, ваши соседи не уехали?* возможны контрвопросы: *А что?; А почему вас это интересует?* и определяет их как **косвенные ответы** [24, с. 164]. С этим трудно согласиться. Косвенные (непрямые) ответы всегда информативны, всегда дают ответ (пусть недостаточно определённый) на инициальное высказывание (см. об этом ниже, в разд. Vв). Между тем встречные вопросы — не информативны. В сущности, это не ответ, это — **отказ отвечать или задержка с ответом**, иногда под предлогом выяснения каких-то обстоятельств (*А вы ему кто?*).

5. **Уклончивые ответы**. Они нарушают сразу два постулата Грайса — постулат информативности и постулат связности.

Секретарша Торопецкая разговаривает с артисткой театра: — *Когда вы родились? Этот вопрос*

произвел на Пряхину удивительное действие <...>: — Пресвятая Богоматерь! Что же это такое? Я не понимаю, кому это нужно знать, зачем? Почему? Ну, хорошо, хорошо. Я родилась в мае, в мае! Что еще нужно от меня? Что?

— *Год нужен, — тихо сказала Торопецкая* (М. Булгаков. Театральный роман).

Уклончивые ответы особенно не уместны после проверочных вопросов, требующих точного ответа (примеры (1)), или в справочниках — (2):

(1) Учитель: — *Кто был Людовик Пятнадцатый? <...> — Ну-с!?*

— *Людовик Пятнадцатый был... Был мужчина*

(Н. Тэффи. После праздников).

(2) “Пособие” Остапа Бендера “Азиатский орнамент” — для молодых советских писателей:

ПЛОВ (пища)

ДЕХКАНИН (хороший человек)

БАЙ (нехороший человек)

БАСМАЧ (нехороший человек).

(И. Ильф — Е. Петров. Золотой теленок).

Уклончивые ответы обычно вызывают раздражение или производят комический эффект, но иногда дают выход из трудного положения. Случай из моей жизни. В 1979-м я получал в Ленинском райкоме КПСС Москвы необходимое в те времена разрешение на поездку за границу. На собеседование пришел хорошо подготовленным, бодро отвечал, сколько в Польше партий и какие, кто секретарь коммунистической партии и т.д. И вдруг работник райкома спрашивает: “*А как Вы относитесь к Солженицыну?*”. Выразить требуемое от каждого советского человека решительное осуждение Солженицына я, конечно же, не мог. “*Всё! Погорела командировка!*” — пронеслось в голове. Но меня вдруг осенило (очень уж хотелось в Польшу): “*Ну, тут двух мнений быть не может!*”. Работник райкома не потребовал уточнений, поездка состоялась.

6. Нередко реакции не по существу, объясняются спецификой ситуации, индивидуальными особенностями говорящих (возраст, профессия, уровень образования, характер и т.п.), разной оценкой сравнительной важности отдельных сторон действительности и т.п.:

Старушка — незнакомому парню:

— *Милок, как пройти на улицу Горького?*

— *Научись сначала разговаривать по-человечески! Не милочка, а мен; не пройти, а кинуть кости; не улица Горького, а Пешков-стрит.*

Баба подходит к другому парню и, наученная горьким опытом, спрашивает:

— *Мен, как мне кинуть кости на Пешков-стрит?*

— *Хиппуешь, плесень?*

Разговор в автобусе:

— *Сударыня, вы что встали на дороге как телка недоенная?*

— *Какая я вам сударыня?*

Вв. Речевые акты с непрямыми ответами

1. Выше, в разделе III, шла речь о **косвенных побуждениях** типа: *Вы не могли бы передать мне соль?* Сравним с этим другой речевой акт, который тоже называют косвенным. Это — **ответ** в диалогах типа: — *Поедешь летом в Крым?* — *Денег нет*.

Легко убедиться, что термин “косвенный” имеет в этих двух высказываниях разный смысл. Ср.:

— *Вы не могли бы передать мне соль?* Это **I часть** парного РА, по форме — вопрос, а по смыслу, по коммуникативному намерению — **просьба**. Один речевой акт “маскируется” под другой.

— *Поедешь летом в Крым?* Ответы: 1) *Уже билеты купил*; 2) *Давно мечтаю*; 3) *Денег нет* — это **II часть** парного РА — **ответы**: не только по форме, но и по смыслу (первый — твёрдое подтверждение, второй — неопределённое подтверждение, третий — неуверенное отрицание).

Учитывая это принципиальное различие, предлагаем именовать ответы этого типа иначе — **“непрямые ответы”** (в отличие от **“прямых”** — *да, нет, поеду, согласен*), оставив термин **“косвенные”** за побуждениями типа *Вы не могли бы передать мне соль?*

2. В статье О.П. Ермаковой рассматривается часть не прямых ответов — ответы на общие (— *Поедешь летом в Крым?*) и частные (— *Куда поедешь летом?*) вопросы [24, с. 156]. Между тем не прямые ответы возможны также на альтернативные вопросы — пример (1) и на побуждения — (2):

(1) — *Ты поедешь летом в Прибалтику || или в Крым?*

— *Хочется хорошенько погреться, позагорать (= в Крым); — Не люблю жару (= В Прибалтику).*

(2) — *Поезжай летом в Крым.*

— *Денег нет (= Не поеду).*

Толкования парных РА с непрямыми ответами были включены в данные выше толкования вопросо-ответного и побудительно-ответного РА. Рассмотрим другие особенности значения и употребления не прямых ответов.

3. Непрямые ответы существенным образом отличаются как от рассмотренных выше ответов не по существу, так и от прямых ответов.

В отличие от ответов не по существу, они информативны. На вопрос — *Поедешь в Москву?* или на побуждение: — *Поезжай в Москву!* ответ: — *Уже билет купил* означает “да”; — *С работы не отпускают* (= “нет”).

— *Следует ли джентльмену снимать шляпу, если рядом в лифте — незнакомая женщина?*

— *В лифте лучшее место для шляпы джентльмена — голова джентльмена.*

(= “не следует”).

В отличие от прямого ответа не прямой ответ обычно **менее определёнен**. Так, ответ — *С работы не отпускают*, скорее всего, отрицательный, однако, возможно продолжение: ... *но я всё-таки надеюсь поехать*. Тем не менее представляется слишком категоричным замечание О.П. Ермаковой: “Разумеется, общей причиной всех косвенных ответов является нежелание собеседника дать вполне определённый и точный ответ на вопрос” [24, с. 165]. Ср. два примера, где содержатся косвенные, но вполне определённые ответы:

— *Ты поедешь в Крым?*

— *Уже билеты купил* (= Да).

— *Ты ездил летом в Крым?*

— *С работы не отпустили* (= Нет).

Далеко не все не прямые ответы столь определённые. Ср.: — *Ты поедешь в Крым?* — *Денег мало* (— *С работы не отпускают*). Но всё же собеседники признают эти реплики ответами — в отличие от рассмотренных выше ответов “не по существу” типа: *Не скажу!; Отвяжись!; Не спрашивай!;* или реплик: — *А вы ему кто?*, которые не информативны и потому, на мой взгляд, не могут быть отнесены к косвенным (непрямым) ответам, как это делается в [24, с. 157 и сл.].

4. Следует отметить важное обстоятельство. Непрямые ответы: — *Уже билеты купил*; — *С работы не отпустили*; — *Денег нет*; — *Жары побаиваюсь; С удовольствием!* в каком-то смысле даже более информативны, чем прямые ответы “да” и “нет”: сообщаются некоторые **дополнительные сведения** — о твёрдом намерении ехать, о причине отказа от поездки, о причине колебаний, о сопутствующих переживаниях и т.д.

VI. РЕЧЕВЫЕ АКТЫ СЛОЖНОГО СОСТАВА

1. Несколько слов о сложных случаях, когда парный речевой акт сопровождается словесной

реакцией говорящего на ответ адресата (чаще всего — одобрение или неодобрение):

(1) — *Поезжай летом в Крым.*

— *Обязательно.*

— *Правильно! Молодец.*

или:

— *Не хочу.*

— *Напрасно.*

(2) — *Куда поедешь летом?; — Куда едешь летом — в Крым || или на Кавказ?*

— *В Крым.*

— *Правильно!* или: — *Напрасно, лучше на Кавказ.*

2. Словесная реакция говорящего возможна не только на прямые, но и на **непрямые ответы**, причем она необычна, резко отличается от реакции на прямые ответы:

— *Ты поедешь в Петербург?* (или: — *Поезжай в Петербург*).

— *У меня зонтика нет.*

— *Купи* (— *Возьми мой*; — *Там сейчас ясная погода*).

3. Словесная реакция на ответ особенно часта в случае проверочных (в частности, “экзаменационных”) вопросов, когда говорящий **знает ответ** и его цель — именно оценка знаний адресата:

— *Какой город столица Швеции?* — *Осло.* — *Молодец, правильно.*

— *Какой город столица Швеции?* — *Хельсинки.* — *Неправильно, двойка.*

Почти неизбежна реакция на ответ в случае “провокационных” вопросов, где цель спрашивающего — разоблачить адресата, уличить его во лжи:

— *Ты в школе был?*

— *Да.*

— *Неправда, ты в кино с девушкой ходил.*

Иногда разоблачение имеет форму абсурдного псевдосогласия:

В редакции журнала:

— *Так это вы написали эти стихи: “Я помню чудное мгновенье”?*

— *Да. Я-с.*

— *Очень рад познакомиться. Василий! Стул господину Пушкину!*

(Журнал “Сатирикон”).

4. Зачастую дело не ограничивается реакцией говорящего на ответ адресата: обмен репликами может продолжаться:

— *Куда летом поедешь?*

— *В Прибалтику.*

— *Дурак! Там море холодное.*

— *Зато обслуживание тёплое.*

— *Обслуживание и в Москве хорошее*

и т.д.

Подобный обмен репликами исследователи речевых жанров именуют, в зависимости от “накала страстей”, по-разному: *разговор, беседа, обсуждение, спор, пререкание, перепалка, перебранка* и т.д.

5. Выделенными, наиболее значимыми считаются в спорах и пререканиях первая и последняя реплики. Несколько примеров:

— *Пойдём завтра в кино!*

— *Нет, лучше в театр.*

— *Я первый предложил.*

или:

— *Ты пойдёшь завтра на работу?*

— *А ты?*

— *Я первый спросил.*

И тут уж крыть нечем: приоритет спросившего первым выдерживается довольно строго.

Говорящие отчетливо ощущают также решающее значение в споре **конечной реплики** и называют ее: “последнее слово”. В словаре [21] это значение прилагательного *последний* определяется так: “Окончательный, заключительный, решающий”. Необходимо уточнение: выражения типа *Последнее слово в споре осталось за X-ом* корректны только в случае, если точка зрения X-а восторжествовала. Ср.:

— *Так ты хочешь меня уверить, что оставляешь за собой последнее слово во всех спорах со своей женой?*

— *Конечно. Я всегда говорю: “Да, дорогая!”.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку некоторые вторые словесные реплики неотделимы от реплик-стимулов и не имеют без них смысла (— *Куда поедешь?* — *В Крым*), необходимо кроме простых речевых актов выделять парные. Основные признаки парных речевых актов (РА), отличающие их от простых: 1) Наличие двух частей, оформленных как два предложения; 2) Тесная смысловая и формальная связь этих частей; 3) Обязательность или желательность второй части — ответа.

По этим критериям к парным РА относятся два класса РА — вопросо-ответный и побудительно-ответный. Кроме признаков, сближающих эти два

класса парных РА и отличающих их от простых РА, каждый из них характеризуется рядом синтаксических, семантических и прагматических особенностей.

Наряду со стандартными парными РА имеются нестандартные, неканонические: РА с проверочными (в том числе “экзаменационными” и “провокационными”) вопросами, РА с “ответами не по существу”, РА с непрямыми ответами.

Приложение

НЕСКОЛЬКО КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ

В парных РА нередко непонимания — так называемые коммуникативные неудачи.

Размеры данной статьи не позволяют задержаться на этом интересном явлении. Впрочем, в этом нет особой необходимости: на материале устного неофициального общения это явление рассматривается в большой интересной статье О.Н. Ермаковой и Е.А. Земской [25]. На другом материале (художественная литература и фольклор) некоторые наблюдения делаются в моей книге [10]. Отмечу существенное различие: если в устном бытовом общении непонимание вызывает досаду и раздражение, то в книгах или разговорных шутках оно зачастую забавляет читателей или собеседников. Приведу несколько примеров из своей книги. Они дают некоторое представление о многообразии языковых средств и жизненных ситуаций, приводящих к непониманию.

— *Что вы делаете, чтобы быть в форме? — Я ее надеваю.*

— *Что было раньше — яйцо или курица? — Раньше было все!*

— *Гольдберг, за вами рубль! — Где?!*

— *Как вас постричь? — Молча.*

— *Я смотрю, товарищ солдат, вы слишком умный.*

— *Кто, я? — Ну, не я же!*

Врач — пациентке: *“Раздевайтесь!” — “А вы, доктор?”.*

Молодой человек допоздна сидел в гостиной со своей девушкой. Внезапно открылась дверь, и появился ее отец: *“Гм... а сколько сейчас времени?”* Молодой человек что-то промямлил и выскочил вон. *“Что это с ним? У меня часы остановились, а он так и не сказал, который час!”*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская разговорная речь (Фонетика. Морфология. Лексика. Жест). М., 1983.

2. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. М., 2003.
3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. // Бахтин. Собр. соч. т. 5, М., 1996.
4. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. М., 1993.
5. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
7. Разлогова Е.Э. Когнитивные установки в прямых и не прямых ответах на вопрос // Логический анализ языка. М., 1989.
8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
9. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.
10. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999; изд. 2-е, М., 2002.
11. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I—II. М., 1995.
12. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI, 1985. С. 217—237.
13. Hiž H. Questions and answers // J. Philos. 1962. Vol. 58.
14. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
15. Серль Дж. Что такое речевой акт // НЗЛ. 1986. Вып.17. М., 1986.
16. Wierzbicka A. English Speech Act Verbs. Sydney etc., 1987.
17. Кустова Г.И. Конструкции разговорной речи // Русский язык сегодня. Вып. 6. М., “Флинта” — “Наука”, 2015.
18. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
19. Ермакова О.П. Функции согласия и несогласия в дружеской беседе // Жанры речи. 2018, № 1.
20. Крысин Л.П. Попытка социально-ролевой типологии речевых жанров. М., “Флинта” — “Наука”, 2015.
21. Словарь русского языка, т. I—IV. М., 1981—1984.
22. Толковый словарь русской разговорной речи, под ред. Л.П. Крысина. Вып. 1 (А—И), М., 2014; Вып. 2 (К—О), М., 2018.
23. Активный словарь русского языка, т. 1—3 (А—З). М., 2014—.
24. Ермакова О.П. Попытка типологии косвенных ответов // Русский язык сегодня. Вып. 5. М., “Флинта” — “Наука”, 2012.

25. Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. М., "Наука", 1993.

REFERENCES

1. *Russkaja razgovornaja rech (Fonetika. Morfologija. Leksika. Zhest)* [Russian Spoken Speech (Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture)]. Moscow, 1983. (In Russ.)
2. Kibrik, A.A. *Analiz diskursa v kognitivnoj perspektive* [Analysis of Discourse in Cognitive Perspective]. Moscow, 2003. (In Russ.)
3. Bakhtin, M.M. *Problema rechevyx zhanrov* [Problem of speech genres]. Bakhtin M.M. *Sobr. soch. t. 5* [Collected Works. Vol. 5]. Moscow, 1996. (In Russ.)
4. Glovinskaja, M. Ja. *Semantika glagolov rechi s točki zrenija teorii rechevyx aktov* [Semantics of Speech Verb in Aspect of Theory of Speech Acts]. *Russkij jazyk v ego funkcionirovanii* [Russian Language in its Functioning]. Moscow, 1993. (In Russ.)
5. Bulygina, T.V., Shmel'jov. *Jazykovaja konceptualizacija mira* [Linguistic Conceptualization of the World]. Moscow, 1997. (In Russ.)
6. Arutjunova, N.D. *Jazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Human]. Moscow, 1998. (In Russ.)
7. Razlogova, Je. E. *Kognitivnyje ustanovki v pr'jamyx i nepr'jamyx ovetax na vopros* [Cognitive Purposes in Direct and Indirect Answers]. *Logicheskij analiz jazyka* [Logical Analysis of Language]. Moscow, 1989. (In Russ.)
8. Apresjan, Ju.D. *Lexicheskaja semantika* [Lexical Semantics]. Moscow, 1974. (In Russ.)
9. Sannikov, V.Z. *Russkij syntaxis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian Syntax in Semantic-Pragmatic Space]. Moscow, 2008. (In Russ.)
10. Sannikov, V.Z. *Russkij jazyk v zerkale jazykovoj igry* [Russian Language in the Mirror of Language Game]. The 1st edition: Moscow, 1999; the 2nd edition, Moscow, 2002. (In Russ.)
11. Apresjan, Ju.D. *Izbrannyje trudy*, t. I–II [Selected Works, Vols. 1–2]. Moscow, 1995. (In Russ.)
12. Grice, G.P. *Logika i rechevoje obshchenije* [Logic and Speech Intercourse]. *Novoje v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. XVI [New in Foreign Linguistics. Iss. 16]. Moscow, 1985, pp. 217–237. (In Russ.)
13. Hiž H. Questions and answers. J. Philos. 1962. Vol. 58.
14. Paducheva, Je.V. *Vyskazyvanije i jeho sootnes'jonnost' s dejstvitel'nost'ju* [Utterance and its Correlation with Reality]. Moscow, 1985. (In Russ.)
15. Searle, J. *Chto takoe rechevoj akt* [What is a Speech Act]. *Novoje v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. 17 [New in Foreign Linguistics. Iss. 17]. Moscow, 1986. (In Russ.)
16. Wierzbicka A. *English Speech Act Verbs*. Sydney etc., 1987.
17. Kustova, G.I. *Konstrukcyi razgovornoj rechi* [Constructions of Colloquial Speech]. Moscow, 2015. (In Russ.)
18. Krysin, L.P. *Socjolingvističeskije aspekty izučeniya sovremennogo russkogo jazyka* [Socio-Linguistic Aspects of Contemporary Russian Language Studies]. Moscow, 1989. (In Russ.)
19. Ermakova, O.P. *Funkcyji soglasija i nesoglasija v družeskoj besede* [Functions Consent and Dissent in Friendly Chat]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Moscow, 2018. (In Russ.)
20. Krysin, L.P. *Popytka socjal'no-rolevoj tipologii rechevyx zhanrov* [Attempt Social Roles Typology of Speech Genres]. Moscow, 2015. (In Russ.)
21. *Slovar' russkogo jazyka*, t. I–IV. [Russian Dictionary, Vols. 1–4]. Moscow, 1981–1984. (In Russ.)
22. *Tolkovyj slovar' russkoj razgovornoj rechi*, pod. red. L.P. Krysin. Vyp. I (A–I), M., 2014; Вып. 2 (K–O), M., 2018 [Explanatory Dictionary of the Russian Colloquial Speech. Krysin, L.P., Ed.]. Moscow, 2014, Issue I (A–I); Moscow, 2018, Issue II (K–O). (In Russ.)
23. *Aktivnyj slovar' russkogo jazyka*. Pod red. Yu.D. Apre-syana. T. 1–3 (A–Z) [Active Dictionary of the Russian Language. Apresyan, Yu.D., Ed. Vol. 1 (A–Z)]. Moscow, 2014–. (In Russ.)
24. Ermakova, O.P. *Popytka tipologii kosvennyx ovetov* [Attempt Typology of Indirect Answers]. *Russkij jazyk segodn'a* [Russian Language Today]. Moscow, 2012. (In Russ.)
25. Ermakova, O.P., Zemskaja, Je.A. *K postrojeniju tipologii kommunikativnyx neudach* [On Building Typology of Communicative Failures]. *Russkij jazyk v ego funkcionirovanii* [Russian Language in its Functioning]. Moscow, 1993. (In Russ.)